

ВЕЛИКАЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ МИРА*

Гжегож В. КОЛОДКО

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Профессор Гжегож В. Колодко сыграл ключевую роль в решении сложной задачи трансформации польской экономики. В 1989 г. принимал активное участие в исторических дискуссиях «Круглого стола»; в 1989—1991 гг. — член государственного экономического совета Польши. В его бытность первым заместителем премьер-министра и министром финансов (1994—1997 гг.) Польша вступила в ОЭСР. Будучи на тех же постах в 2002—2003 гг. способствовал восстановлению высоких темпов роста экономики; сыграл важную роль в обеспечении интеграционных процессов между Польшей и ЕС. Сфера научных исследований — теоретические и практические проблемы глобализации и постсоциалистической трансформации, а также вопросы стратегии экономического развития. Является основателем и руководителем проекта TIGER — Экономические исследования трансформации, интеграции и глобализации (Transformation, Integration and Globalization Economic Research) (www.tiger.edu.pl). Является преподавателем в Козьминской школе бизнеса (WSPiZ www.kozminsky.edu.pl) в Варшаве; выступал с курсами лекций в университетах США: Йельском, Калифорнийском (Лос-Анджелес), Рочестерском (Нью-Йорк). Профессор Колодко — автор и редактор 35 книг и более 300 научных статей и докладов, опубликованных на 23 языках, в том числе примерно 150 — на английском (см.: www.kolodko.net).

Глобализация — одно из постоянно используемых модных словечек, которым зачастую злоупотребляют, обычно не утруждая себя определением его содержания. Когда меня спрашивают о моем отношении к глобализации, я всегда стараюсь выяснить, что сам спрашивающий под ней подразумевает. Ответ на такой вопрос затруднителен именно потому, что универсального определения понятия глобализации не существует. Различные авторы трактуют глобализацию по-разному. Историк, антрополог, социолог или экономист — каждый вкладывает в эту непростую категорию свое собственное содержание.

На мой взгляд, определяющим является экономическое содержание глобализации, имеющее специфические последствия для таких сфер, как культура, идеология и политика.

Полемика вокруг определения

Для одних глобализация означает «макдональдизацию» культуры: все мы более или менее одинаково одеваемся, едим почти одно и то же (от гамбургеров до блюд китайской кухни), слушаем одну и ту же музыку, читаем одинаковые книги, смотрим одни и те же фильмы. Глобализацию можно определить следующим образом: это *сложный механизм взаимозависимости*. Помимо экономического у нее также имеется политический аспект, благодаря которому одни государства и их элиты преуспева-

* В основу данной статьи легла лекция профессора Г. Колодко в качестве почетного докладчика на Азиатском форуме по вопросам образования (Пекин, 14 октября, 2005).

ют в современном мире, в то время как другие оказываются на обочине мирового прогресса.

С экономической точки зрения *глобализация означает исторический процесс либерализации и последующей интеграции ранее относительно изолированных рынков капитала, товаров и (с некоторой задержкой и в ограниченных масштабах) труда в единый мировой рынок*¹. Ключевыми в этом определении являются три слова:

- это *исторический*, и, следовательно, длительный процесс;
- он проявляется вначале как *либерализация*;
- затем — как *интеграция*.

Таким образом, по мере невероятного расширения сферы экономической деятельности возникает новое качество. Это не тот результат, о котором мечтали философы (совместные исследования космического пространства); это не является следствием открытия «америк», которые давно открыты; это — итог формирования виртуального пространства. Революция в области информационных технологий и распространение Интернета создают виртуальное пространство, куда перемещается значительная часть экономической деятельности, преимущественно связанной с информационными потоками, движением капитала, финансовыми транзакциями и банковским делом, разовым, индустрией развлечений (с ее многомиллиардными оборотами) и многими другими сферами. Посредством Интернета нельзя осуществлять физическое перемещение материальных товаров, однако он дает возможность распространять информацию о методах производства («ноу-хау») а также заниматься продажей товаров или их продвижением на рынок. Все, что происходит в виртуальном пространстве, имеет глобальный характер.

При таком определении глобализации вполне правомерно задать вопрос: полезен этот процесс или вреден? И для кого? Следует ли нам воспринимать его как нечто желанное или нет; должны ли мы его опасаться или, напротив, радоваться ему; поддерживать его или бороться с ним? *Четкого ответа на эти вопросы нет и никогда не будет.* Ответ зависит от нашей позиции в этой глобальной экономической и политической игре и от нашей возможности справляться с присущими ей рисками и издержками, а также от нашего умения максимизировать выгоды и использовать новые дополнительные возможности, которые она предоставляет. Невозможно получить доступ к потенциальным выгодам от игры, не став открытым для потенциальных затрат. Если мы хотим иметь выход на мировые рынки, доступ к инвестиционным ресурсам мирового капитала и передовым технологиям, то нам самим следует стать открытыми для международной конкуренции, риска конфронтации с корпорациями из других уголков света, проникновения спекулятивного капитала, единственный мотив которого — максимизация собственной прибыли посредством эксплуатации структурных слабостей (институциональных или политических), имеющихся там, куда он приходит. *Невозможно глобализировать мир, поскольку он уже глобален по самой своей сути.* Поэтому точнее говорить или писать не о «глобализации мировой экономики», а просто о «глобализации экономики».

Учитывая сложность этого процесса, следует методологически правильно и рационально подходить к дилеммам глобализации, оценивая этот динамичный и сложный процесс во всей его полноте. Необходимо четко представлять, что имеет отношение к глобализации, а что нет: дело в том, что нас окружает

¹ Kolodko G. Globalisation and Catching-up In Transition Economies. Rochester University Press.

множество явлений и процессов, вытекающих не из глобализации как таковой, а из того простого факта, что мы живем и действуем в современную эпоху. Каузальная связь с глобализацией в таких случаях зачастую отсутствует. Если кто-то теряет работу, то такой человек может заявить (и порой действительно заявляет): «Это все из-за глобализации». Но так ли это?

Для утвердительного ответа на этот вопрос требуется доказать наличие причинно-следственной связи, к примеру, такой: в условиях свободного перемещения рабочей силы ремонтный рабочий, приехавший из другой части мира, лишает работы местного ремонтника. Аргументы подобного рода частенько можно было слышать, в частности, во Франции в ходе кампании, предшествовавшей референдуму о Европейской Конституции; при этом ссылались на «польского сантехника», который лишил работы своего французского коллегу. Подобные доводы слышатся и в Польше, где каменщики из Украины якобы вытесняют с рынка труда польских строителей. В этих случаях действительно можно говорить о последствиях глобализации, поскольку происходящие изменения являются результатом действия одного из ее механизмов — свободного перелива рабочей силы в масштабе всего мира.

То же самое имеет место, когда, вместо приезда к нам иностранных рабочих, конкурирующих с нашими, происходит перемещение работников из нашего в другой регион мировой экономики. Это обычно обусловлено различным уровнем издержек и, прежде всего, заработной платы в различных странах. В этом смысле, к примеру, англичане или американцы вправе утверждать, что рабочие из Индии, Китая, Бразилии или Центральной и Восточной Европы захватывают отдельные производственные процессы или сферы предоставления услуг. Интересно отметить, что такого рода проблемы характерны не только для давно существующих традиционных отраслей (например, текстильной), но и для самых современных видов услуг, связанных с функционированием так называемой «новой экономики» — информационных и телекоммуникационных технологий.

Однако если причина увольнения — невозможность или нежелание работника должным образом выполнять свои должностные обязанности, повышать квалификацию, либо если он — просто бездельник, то причем тут глобализация? Так же обстоит дело и в том случае, когда потеря работы обусловлена действием безжалостного механизма капиталистической рыночной экономики, и, в частности, такой ее врожденной и неотъемлемой структурной особенностью, как избыток рабочей силы, то есть безработица.

Таким образом, *было бы ошибкой возлагать ответственность за все нарастающие трудности на новую систему, возникающую в результате процессов глобализации.* На самом деле для отдельных индивидов, социальных или трудовых групп, секторов или отраслей экономики, стран или регионов глобализация предоставляет новые возможности, в то время как другим несет дополнительные угрозы. Разумеется, на современном этапе мировой конкуренции богатые государства, достигшие высокого уровня развития — как крупные (США, Франция), так и небольшие, но высокоразвитые с открытой рыночной экономикой (Финляндия, Новая Зеландия) — находятся в существенно лучшем положении, нежели такие страны, как Чад, Молдова, Парагвай или Монголия. Это является результатом действия множества факторов, к числу которых, помимо уровня экономического развития (как производной различных исторических процессов), относится также и географическое положение. Последнее может как благоприятствовать, так и препятствовать использованию выгод глобализации (как в случае со второй группой выше-названных стран).

Посткоммунистическая трансформация и опыт Польши

На протяжении тысячелетнего периода геополитическое положение Польши никак нельзя было назвать удачным: если нас не завоевывали восточные соседи, то это делали западные; когда же наши западная и восточная границы оставались в покое, то с севера в страну лавиной вторгались шведы... В настоящее время мы имеем *прекрасное геополитическое положение, которое можем и должны грамотно использовать в глобальной экономической игре*. Польша занимает центральное место в Европе — между расширяющимся Европейским Союзом (куда мы уже вступили) и растущими экономиками стран Содружества Независимых Государств — где существуют как рыночные механизмы, так и условия постсоветской демократии. Это дает нам возможность, которых лишены, к примеру, такие постсоветские государства Центральной Азии, как Кыргызстан или Туркменистан. Наше *выгодное географическое положение обеспечивает лучшие возможности в глобальной конкуренции*.

Однако если эту возможность должным образом не использовать — а именно такая тенденция, к сожалению, преобладает в восточной политике Польши, особенно по отношению к России, — то единственной причиной этого будет несостоятельность проводимого внешнеполитического курса и отсутствие здравомыслия. Независимо от того, каковы будут наши успехи от участия в мировых глобализационных процессах в целом и в интеграционных процессах в рамках Европейского Союза в частности, — ключевое значение фактора географического положения останется неизменным. Как только появляется возможность развития выгодных экономических (технологических, торговых, финансовых, маркетинговых и т.д.) отношений с нашими соседями, мы просто обязаны ее использовать. И несмотря на то, что ВВП России, оцениваемый (по паритету покупательной способности) примерно в 1,4 трлн долл., только втрое превосходит ВВП Польши и составляет всего лишь 2,7% мирового ВВП, — потенциал России огромен. И со временем он обязательно будет реализован. Поэтому нам совершенно необходимо использовать эту возможность в интересах будущего развития польской экономики и предпринимательства в условиях глобализации (либерализации, открытости и интеграции). К большому сожалению, избранный Польшей ошибочный внешнеполитический курс препятствует решению этой задачи; в результате мы попусту транжирим драгоценное время и упускаем реальную возможность выхода на эту важную (не только для нас) часть мирового рынка. И нам не следует питать иллюзий, что другие не сумеют грамотно воспользоваться этой уникальной возможностью.

Таким образом, *глобализацию можно также рассматривать как экономическую игру, в ходе которой возникают дополнительные возможности и дополнительные угрозы*. Следовательно, мы как никогда широко открываемся навстречу деловым, финансовым, инвестиционным, кооперативным, политическим и культурным связям с зарубежными странами, или — еще точнее — «с другими частями все более и более интегрированной мировой экономики», элементом которой мы уже стали. Используя это положение, мы последовательно устраняем существующие психологические и политические преграды, и, прежде всего — тарифные и нетарифные барьеры на пути торговли и движения капитала. Мы осуществляем прямые капитальные вложения в создание новых производственных мощностей, внедряем передовые технологии, менеджмент и маркетинг, привлекаем портфельные инвестиции (portfolio capital), которые могут использоваться как на рынках коротких денег (short-term money markets), так и в долгосрочных финансовых и инвестиционных проектах (financial and capital endeavours). Иностраный

капитал — то есть сбережения, сделанные в других частях мировой экономики, — вложенный в польские государственные ценные бумаги либо используемый на фондовых или товарных биржах, оказывает влияние на уровень цен на товары и услуги (а также, следовательно — косвенно — на спрос и предложение), заработную плату и валютный курс. Все это имеет для функционирования экономики и общества в целом далеко идущие прямые и косвенные последствия, сложность которых многими участниками экономической жизни и публичных дебатов нередко недооценивается.

Что касается валютного курса — этого особого вопроса, касающегося связи национальной экономики с остальным миром, — то и здесь правомерен извечный вопрос: что является определяющим? Сильный польский золотый при все еще относительно слабой экономике (лишь 0,84% мирового производства) — это следствие притока иностранного капитала, который, увеличивая спрос на польскую валюту, также ведет к росту ее цены, то есть валютного курса. Этот наплыв иностранного капитала в Польшу по своей природе в значительной степени спекулятивен. Его стимулирует валютный курс, установленный Национальным банком Польши на уровне выше экономически оправданного и выше, чем в других странах мира, то есть более выгодном для краткосрочного спекулятивного капитала. Эта курсовая разница губительна для значительной части польской экономики, прежде всего, для развивающихся экспортных предприятий, поскольку *переоцененный золотый делает экспорт невыгодным*. К тому же удешевляется импорт и наплыв импортных товаров ведет к вымыванию с национального рынка многих отечественных производителей (судоостроение, пищевая и легкая промышленность) и дистрибьюторов. В итоге доходы предприятий от торговли с другими странами сокращаются. Это падение доходов одновременно означает потери для государства и для бюджетников по причине сокращения доходов бюджета от налоговых поступлений. Подрядчики также проигрывают, поскольку спрос на поставляемые ими товары и услуги падает. Возникает цепная реакция, которая — наряду с другими причинами — еще более усугубляет общеэкономическую ситуацию. И мы имели прекрасную возможность все это наблюдать сначала в 1998—2001 гг. (после отступления от принципов «Стратегии для Польши», а затем вновь в середине 2004 г.²

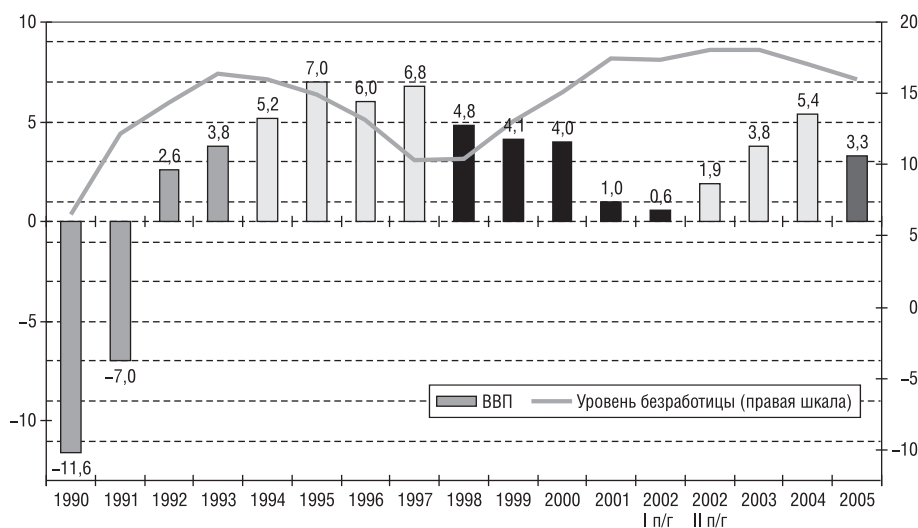
От шока к терапии

Иллюстрацией сказанного могут служить показанные на рисунке 1 периодические (раз в несколько лет) повторяющиеся периоды замедления экономического роста (или даже рецессии в результате «шока без терапии» в начале 1990-х гг.³) или — если брать самый последний период — резкое падение на рубеже 2001 г. темпов экономического роста до почти нулевых (стагнация), за которым последовало их ускорение (связанное с «Программой реформирования государственных финансов Польши»⁴) и еще одна досадная потеря темпа, начиная с середины 2004 г. (см. рис. 2).

² Более подробно об условиях и последствиях долгосрочного экономического роста см.: *Kolodko G. (ed.). The Polish Miracle. Lessons for the Emerging Markets. England: Ashgate, Aldershot; USA: Burlington, VT, 2005.*

³ Политэкономический анализ великой посткоммунистической трансформации см.: *Kolodko G. From Shock to Therapy. The Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford — New York: Oxford University Press, 2000.*

⁴ «Программа реформирования государственных финансов Польши» была выполнена лишь частично (вторая половина 2002 г. — начало 2004 г.) по причине дефицита у правительства политической воли. Более подробно об этом см.: *Kolodko G. O Naprawie Naszych Finansow [On the reform of Public Finance]. Torun: TNOiK, 2004.*

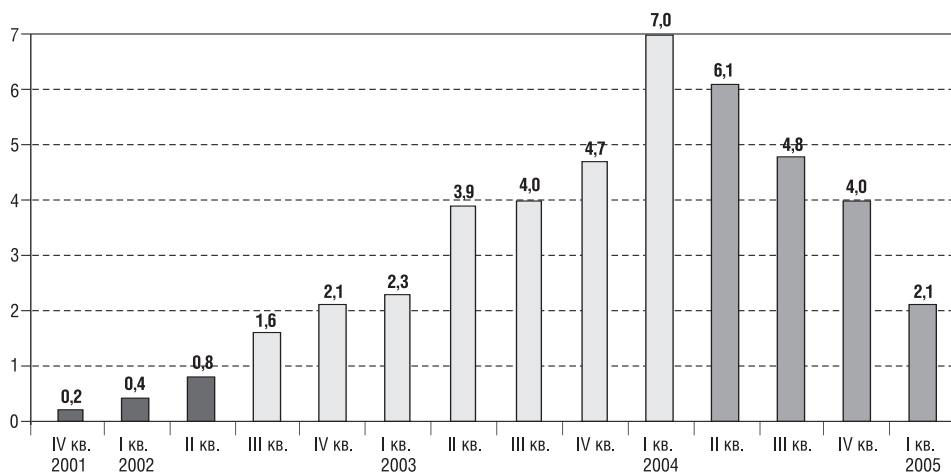
Источник: Центральное Статистическое Управление, Варшава.

Примечания: Данные за 2005 г. — предварительная оценка.

Уровень безработицы рассчитан по старой методике. При использовании методологии Международной организации труда (МОТ) текущий фактический уровень (current actual rate) безработицы оказывается выше примерно на два пункта.

Основные периоды: 1990—2003 гг. — шоковая «терапия»; 1994—1997 гг. — Стратегия для Польши (Strategy for Poland); 1998—2001 гг. — «Переохлаждение» (Overcooling); 2002—2004 — Программа реформирования государственных финансов.

Рис. 1. От шока к терапии: уровень безработицы и темпы роста ВВП Польши в 1990—2005 гг. (в %)

Источник: Центральное статистическое управление, Варшава.

Рис. 2. Динамика темпов роста польской экономики в 2001—2005 гг.

Крайне важным и, увы, весьма болезненным в социальном отношении является то обстоятельство, что дефицит рабочих мест и, как следствие, стабильно высокий уровень безработицы крайне негативно отражается на людях. Антикризисный комплекс мер по облегчению долга и начало реализации «Программы реформирования государственных финансов» послужили импульсом существенного ускорения в 2002—2003 гг. темпов роста

производства на 60 тысячах предприятий малого и среднего (почти целиком частного) бизнеса, что, в свою очередь, вызвало резкий скачок темпов роста ВВП с 0,2% в четвертом квартале 2001 г. до 7,0% в первом квартале 2004 г. Однако, несмотря на это, затем вновь последовал резкий экономический спад. Падение темпов роста ВВП всего лишь до 2,1% в первом квартале 2005 г. было вызвано — помимо неэффективной государственной экономической политики — завышенным курсом злотого.

Имеет ли ко всему этому отношение глобализация? Да, имеет, однако винить следует не абстрактную «глобализацию», а руководящие бюджетные и денежно-кредитные власти (*fiscal and monetary authorities*) в лице правительства и центробанка. Будучи суверенным государством, Польша — при желании — могла бы упорядочить обменный курс своей национальной валюты по отношению к валютам других стран. Контроль валютного курса — это прямая прерогатива не правительства, а центробанка, который, согласно конституции, независим от правительства. Конкретное воздействие руководящих денежно-кредитных учреждений на валютный курс зависит от выбранного валютного режима и осуществляемого политического курса. Таким образом, *если складывающийся валютный курс противоречит интересам польского бизнеса и всей национальной экономики, то виновата в этом отнюдь не глобализация, а ошибочность осуществляемого самой Польшей экономического курса, и, прежде всего, той валютной политики, которая проводится столь независимым центральным банком.* Другим государствам — включая многих новых членов Европейского Союза, также осуществляющих системный посткоммунистический переход к рынку и интеграцию в мировую экономику — так или иначе удастся справиться с решением этой непростой проблемы, о чем, в частности, свидетельствует успешный опыт как очень крупных (Китай, Индия), так и менее масштабных (Чили, Малайзия) экономик.

Польша как государство не может влиять на обменный курс доллара к евро, хотя для всего польского хозяйства имеет ключевое значение то, на каком уровне устанавливается (в результате развития мировой экономики) соотношение названных валют. Из-за удачного стечения обстоятельств (подобно хорошей погоде для фермера) нам в последнее время чрезвычайно везло благодаря завышенному курсу евро к доллару, очень выгодному для Польши (учитывая географическую и валютную структуру нашего экспорта, определяющая и всевозрастающая часть которого оценивается и учитывается в евро). Иными словами, растущее значение валютных курсов для нашей экономики (которая становится все более открытой и тесно интегрированной в экономику мировую) — это закономерное следствие глобализации, а выгода складывающегося курса злотого относительно других валют — это производная качества осуществляемой финансовой стратегии: налогово-бюджетной (фискальной) политики правительства и, в особенности, валютной политики центробанка.

Любой желающий может, отслеживая валютный курс злотого, делать собственные выводы. Ибо, *один и тот же курс для различных экономических акторов имеет различные последствия* в зависимости от того, является он экспортером или импортером, производителем или потребителем, продавцом или покупателем, человеком, собирающимся выезжать из страны либо только что в нее приехавшим. *Обусловленная этим взаимозависимость оказывается для одной группы людей уникальной благоприятной возможностью, а для другой — чрезмерным риском, диктующим необходимость увеличения издержек.* Волатильность валютных курсов, свобода и легкость передвижения, открытые границы — все это имеет вполне определенные последствия, действие

которых подобно действию обоюдоострого меча. Так, например, для туриста, собирающегося в зарубежную поездку, крайне выгодно расплатиться за нее прежде, чем произойдет снижение курса национальной валюты; с другой стороны, для экспортера подобная ситуация чревата риском дополнительных затрат. Причем издержки экспортера в этом случае нередко оказываются для него неподъемными и ему приходится прекращать свой бизнес, то есть становиться банкротом, тем самым внося свой «вклад» в рост уровня бедности и безработицы в стране. В этой связи можно вновь задать вопрос: есть ли здесь «вина» глобализации? Да, есть, однако лишь отчасти, поскольку — как нам уже известно — мы не можем повлиять на курс доллара к евро; на что мы действительно можем (или, точнее, могли бы) оказывать влияние, — так это на курс злого по отношению к другим валютам.

Тут возникает вопрос: кто же это «мы»? «Мы, Польша» — да, но не «мы, правительство» и не «мы, производители». Существует несколько различных способов формирования валютного курса в краткосрочной перспективе, и практически все они находятся в руках центробанка, который независим от правительства. *Независимость центробанка не равнозначна его полному иммунитету от какого бы то ни было воздействия; он вполне способен воспринимать и учитывать интересы, лоббируемые различными бизнес-группами, определенные идеи и взгляды, позиции других глобальных экономических организаций (не обязательно — отечественных), преследующих свои собственные интересы и решающих свои собственные задачи.* Всегда полезно помнить о сложном механизме перераспределения (в данном случае всемирном) и поразмыслить над тем, кто окажется в выигрыше, а кто проигрывает в результате складывающейся динамики взаимосвязанных процентных ставок и валютных курсов.

Апологеты и оппоненты

Существует множество апологетов глобализации, воспринимающих ее не критически, причем кого-то из них можно назвать «фундаменталистами глобального рынка», а другие получают от этого существенную практическую выгоду. Вместе с тем, очевидно, что у глобализации немало противников и критиков. Наконец, порой бывает и так, что одни и те же авторы выступают одновременно как в той, так и в другой роли, но не так, как доктор Джекилл и мистер Хайд; а пытаюсь сбалансировать достоинства и недостатки, а также последствия глобализации для различных субъектов. В публикациях последнего времени содержится не только хвала⁵, но и хула глобализации⁶, а также серьезная критика в адрес свободного рынка и бесконтрольного движения капитала, усугубляющих неравенство в современном мире и порождающих растущий слой отверженных. Как и в любом споре, в данном случае то, что одни хвалят, другие критикуют. И это вполне объяснимо, учитывая потенциальное или реальное противоречие экономических интересов.

Когда процветающие государства Евросоюза испытывают потребность в дополнительном привлечении квалифицированных медсестер из Польши

⁵ См., например: *Wolf M.* Why Globalization Works. New Haven and London: Yale University Press, 2004; *Bhagwati J.* In Defence of Globalization. New York: Oxford University Press, 2004; *Norberg J.* In Defence of Global Capitalism. Washington, D.C.: CATO Institute, 2003; *Kolodko G.* (ed.). Emerging Market Economies. Globalization and Development. England: Ashgate, Aldershot; USA: Burlington, VT, 2003.

⁶ См. например: *Will H., Giddens A.* (eds.). Global Capitalism. New York: The New Press, 2000; *Stiglitz J.* Globalization and Its Discontents. New York—London: W.W. Norton & Company, 2002; *Kolodko G.* (ed.). Globalization and Social Stress. New York: Nova Science Publishers, 2005.

и других славянских государств или когда Соединенным Штатам требуются компьютерные программисты из Индии или Китая (регулярный приток недостаточен), то соответствующий переезд специалистов принимающими странами всячески приветствуется. Когда существует потребность в дополнительном привлечении неквалифицированных рабочих из Гаити или Гватемалы для работы на полях Флориды или Калифорнии, то и такой сезонный приток работников принимается. Аналогичные процессы можно наблюдать на Ближнем Востоке, где масса людей из стран Южной Азии (например, Пакистана или Бангладеш) работают на стройплощадках в Эмиратах или Саудовской Аравии, либо в Южной Африке или Ботсване, куда стремятся попасть миллионы людей из таких отсталых стран, как Мозамбик, Замбия или Зимбабве. Но как только желание приехать в какую-либо страну возникает у отдельного человека, немедленно появляются двойные стандарты. «Мы», конечно, заинтересованы в том, чтобы иметь возможность ездить в богатые страны, но нас совершенно не устраивает, когда «они» приезжают к нам из стран бедных. Нам бы хотелось, чтобы в отношении нашей части глобальной деревни (точнее сказать, глобального города) Европейский Союз устранил все ограничения на перемещение польской рабочей силы. Но как только желание интегрироваться (то есть стать иммигрантом) и попытаться счастья в нашей стране появляется у гражданина, скажем, Украины или Казахстана, мы, не колеблясь, немедленно вводим многочисленные ограничения. И такого рода проблемы — благоприятные возможности или серьезные угрозы и риски (в зависимости от точки зрения) — явление широко распространенное, если дело касается открытости, либерализации и интеграции, то есть глобализации.

Что питает неутихающие споры и разногласия между яркими приверженцами и непримиримыми противниками глобализации? Тот факт, что глобализацию можно воспринимать и под еще одним углом зрения, считая ее не чем иным, как великим триумфом завоевавшего весь мир капитализма. **Глобализация — это глобальный капитализм.** Это — не социализм и не коммунизм, не плановое хозяйство и не социально ориентированная рыночная экономика в ее социал-демократическом, например, скандинавском значении. Это — поистине жестокий, либеральный, алчный, агрессивный капитализм, арена действий которого теперь — весь мир.

Разумеется, ситуация очень динамична и представляет собой результирующую множества разнонаправленных изменений. Она является неустойчивой. Глобализация — это процесс, и вполне естественно, что она эволюционирует и развивается, расширяет свои границы и становится более зрелой; находится в постоянном движении, причем преимущественно — в сторону прогресса. Здесь возникает еще один интересный вопрос: приходится ли нам — в строго экономическом смысле — уже сейчас иметь дело с единой интегрированной мировой экономикой? Положительный ответ на этот вопрос предполагает, что *de facto* в мире уже существует единый рынок с одной кривой спроса и одной кривой предложения, которые пересекаются в точке равновесного состояния мировой экономики, и таким образом устанавливается единая для всего мира цена, при которой обеспечивается равенство рыночного спроса и предложения. В действительности, однако, дело обстоит иначе. Возьмем в качестве примера рынок термосов для кофе. В реальном мире существует не единый мировой, а множество местных и региональных рынков этого товара и, следовательно, множество кривых спроса и предложения и, соответственно, множество равновесных цен, обеспечивающих равенство спроса и предложения на этих местных или региональных рынках.

В идеальной воображаемой «всемирной экономике» существовала бы единая равновесная цена, и, следовательно, все кофейные термосы стоили бы одинаково благодаря действию совершенного механизма рыночной конкуренции. А существуют ли вообще такие глобально интегрированные рынки? Разумеется, существуют, однако их крайне мало, а в основном нам приходится иметь дело с обычными локальными или местными рынками, спрос на которых предъявляют местные потребители, что и определяет цену продаваемых на таком рынке товаров или предоставляемых на нем услуг. Среди немногих реально существующих мировых рынков — рынок нефти, на котором (говоря с небольшой долей условности) на продукт одного качества (за вычетом транспортных расходов) устанавливается единая по всему миру цена⁷, а также несколько рынков эксклюзивных высокотехнологичных товаров, таких, например, как авиалайнеры (корпорации «Боинг» и «Эйрбас» работают на одном — мировом, или глобальном — рынке).

Глобализация не означает, что на все товары по всему миру устанавливаются единые цены, или что любой товар может быть произведен и реализован в любом месте земного шара. В совершенной «глобальной экономике» любая (глобальная) корпорация будет:

- осуществлять сбыт там, где существует самый высокий платежеспособный спрос (clients get most value);
- получать капитал там, где он дешевле всего;
- получать ресурсы там, где это наиболее выгодно;
- создавать производство в наиболее удобных местах.

В действительности пока лишь немногие глобальные корпорации работают согласно этим четырем принципам.

В отличие от такой «совершенной глобальной экономики», основу функционирования реальной экономики, с которой нам приходится иметь дело и в которой мы вынуждены работать, составляют определенные специфические механизмы производства и распределения. Если выяснится, что, скажем, термос (или, если взять более современный пример — персональный компьютер или цифровая камера) в Варшаве дороже, чем в Пекине, то наверняка в течение некоторого времени он будет производиться в Пекине для продажи в Варшаве. Сделать это позволяет свободный рынок, беспрепятственное движение информации, а также свободная конвертируемость валют.

Однако в долгосрочной перспективе этот процесс повлияет на издержки и цены товаров, а также на прибыли и доходы (profit and income relations). В результате за движением товаров последует движение капитала, что, в свою очередь, обычно сопровождается соответствующим движением людей с их квалификацией, культурой и — обязательно — технологией. Вместо того, чтобы перевозить из одного места в другое товары (термосы, персональные компьютеры, автомобили или самолеты), переносится целиком все производство, то есть строится новое предприятие (производящее термосы, ПК, автомобили, авиалайнеры). Так, далеко не все колесящие по американским дорогам автомобили «BMW» сделаны в Германии (Баварии) (как можно было подумать, исходя из того, что BMW — это аббревиатура от Bayerische

⁷ Разумеется, и это — некоторое упрощение, поскольку в силу ряда причин (главным образом политического характера) определенным покупателям нефть может продаваться дешевле по сравнению с ценой так называемого «свободного мирового рынка». Поэтому торговля нефтью между отдельными арабскими странами происходит по заниженным по сравнению с «ценой мирового рынка» ценам. Венесуэла продает нефть Кубе гораздо дешевле, чем Соединенным Штатам; аналогичным образом Россия поставляет нефть Беларуси по более низким ценам, нежели Украине.

Motoren Werke). Причина состоит в том, что эта фирма давно создала свое производство также и в Америке. В наши дни практически ни один автомобиль «Тойота» не доставляется в Америку из Японии через океан (что было обычной практикой четверть века назад), так как транспортировка автомобилей уступила место перемещению капитала, технологии, «ноу-хау» и маркетинговых услуг в США (или в любое другое место). Сегодня продаваемый в Калифорнии или Англии персональный компьютер «Dell» собирается из компонентов, произведенных 400 фирмами, расположенными на трех континентах. Такое стало возможным благодаря современной стадии развития процессов глобализации.

Люди, занятые в этих процессах и в международном разделении труда — собственники капитала, промышленники, дистрибьюторы и потребители, — стремятся извлечь максимальную выгоду из своей деятельности; соответственно растет доход на капитал и удовлетворенность потребителей. Поэтому все участники процесса могут быть удовлетворены результатами глобализации. Однако, если кто-то, имея те же возможности, свой капитал теряет, не выдержав международной конкуренции и/или не сумев закрепить себя на рынке со своим товаром/услугой, — то у него/нее появляется серьезное основание для недовольства и жалоб.

Поэтому те, кто поет дифирамбы глобализации, не сознавая всей сложности этого процесса (который сам по себе не хорош и не плох, а зависит от многих факторов, относительную значимость которых невозможно определить раз и навсегда, не разобравшись прежде в массе противоречивых общественных интересов), как правило, оказываются апологетами или идеологами. В экономике и политике людей с такими взглядами предостаточно. По их мнению, капитализм — это самая лучшая и эффективная из всех общественных систем, а любые возникающие отклонения или аномалии не имеют отношения к его природе; их причины — это несостоятельность экономической политики (связанная главным образом с чрезмерным увлечением левацкими идеями или социальной проблематикой), внешние шоки либо некомпетентность руководства.

Уинстон Черчилль однажды сказал, что демократия — это система правления, имеющая множество недостатков, и что порой она просто ужасна, так как становится неуправляемой, однако лучшей системы человечество пока не придумало. Сегодня мы можем сказать то же самое о капитализме: у него есть масса недостатков, однако до сих пор ничего лучшего не появилось. Не случайно это мнение зачастую можно слышать от философов, экономистов, политиков и бизнесменов именно тех стран, которые получают максимальную выгоду от использования возможностей глобального капитализма. *Очевидно, что больше всех от глобализации выигрывают сильнейшие в экономическом и политическом отношении государства, чьи ресурсы капитала (в первую очередь, высококачественного человеческого) являются источником их гигантского конкурентного превосходства в условиях глобальной структуры.* Стабильность и эффективность институтов рыночной экономики в этих государствах делает это их превосходство еще большим.

Положение этих государств позволяет им легче использовать те дополнительные возможности, которые предоставляет открытость, либерализация, приватизация, доступ к новым рынкам и источникам рабочей силы. И, разумеется, они также могут с максимальной выгодой использовать происходящую в настоящее время революцию в области информационных технологий (ИТ) и поразительные достижения научно-технического прогресса. Но даже для этих преуспевающих стран идеи, оценки и книги, резко критикующие

мировой капитализм и глобализацию, — весьма часто встречающееся явление. Сам термин «капитализм» активно использовался некоторое время назад; сегодня мы предпочитаем вести речь о «глобальном рынке» в противоположность «коммунизму» или — реже — «социализму». В методологическом плане точнее было бы противопоставлять «рыночную экономику» и «экономику плановую», или «капитализм» и «социализм». Нам следовало бы лучше усвоить тот факт, что капитализм — сегодня становящийся мировым капитализмом — имеет различные «лица», которые и дальше будут меняться и уже меняются в ответ на всю критику в его адрес. Однако, помимо справедливой критики, существует также масса совершенно абсурдного, лишённого какой бы то ни было логики, экстремистского неприятия и осуждения, с которым, в частности, выступают анти- и альтерглобалисты, обычно не предлагающие никакой реальной альтернативы. *Капиталистическая рыночная экономика — это система, которая пока доказывает свою гораздо большую эффективность по сравнению с социалистической плановой экономикой. И, тем не менее, во многих отношениях она пока далеко не идеальна.* Именно поэтому поиск «человеческого лица» (мирового) капитализма следует продолжить, и работа в этом направлении будет продолжена.

Глобализация с человеческим лицом или дикий капитализм?

Возможно ли сохранение и дальнейшее развитие глобализации не в качестве самоцели, а при условии успешного решения ею задач не только эффективности и экономического роста, но и соблюдения социальной справедливости и подлинно человеческих ценностей? Есть ли вообще у глобализации «человеческое лицо»? Поиск ответа на эти вопросы более чем актуален. Необходимо продолжить изучение этих крайне важных социальных аспектов экономического развития посредством всесторонних обсуждений и определения адекватной политики, поскольку определено *нет оснований для вывода о том, что человеческая история заканчивается; более того, самая интересная ее часть только началась.* Френсис Фукуяма декларировал конец истории⁸, однако данное утверждение не соответствует действительности (и сам он это прекрасно сознавал). Противоречит реалиям и утверждение Ленина, провозгласившего (вот уже целых 90 лет тому назад), что империализм является высшей (последней) стадией капитализма⁹. Живи он в наше время, его книга, вероятно, получила бы название: «Глобализация как высшая стадия капитализма». Однако это вновь не соответствовало бы действительности, поскольку и эта стадия не является завершающей. Впереди — новые этапы, ибо *развитие продолжается, а противоречий всегда хватает, поскольку мир постоянно меняется*¹⁰.

Таким образом, глобализация возникает как исторически закономерный результат развития и торжества мировой системы капитализма — со всеми свойственными ему достоинствами и недостатками. Каковы будут результаты и последствия самой глобализации? Является ли эта система справедливой или же нет? Как ее функционирование и развитие влияет на движущие силы производства и на растущие производственные возможности на конкретном рабочем месте? По-видимому, механизмы, запущенные процессами транс-

⁸ См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man.* London: Hamish Hamilton, 1992.

⁹ Эта известная работа Ленина, написанная 90 лет назад, называлась «Империализм как высшая стадия капитализма». См. также: www.marxists.org/archive/Lenin/works/1916/imp-hsc.

¹⁰ Можно даже договориться до того, что мир становится ...плоским! См.: знаменитую книгу Томаса Л. Фридмена *The World is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century.* New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005.

формации, интеграции и глобализации, способствуют обеспечению более динамичных темпов роста. В среднем *производство растет быстрее, чем это было бы при отсутствии глобализации*. В итоге жизнь всего человечества — а не только жителей отдельного региона или страны — в среднем становится лучше. И, однако, вновь возникают вопросы: На кого распространяется это улучшение? У скольких из нас — половины или больше — и в чем конкретно жизнь становится лучше? Кто находится в большинстве, а кто — в меньшинстве? Общий ответ, к которому мы приходим, состоит в следующем: на протяжении последней четверти прошлого века, прошедшей под знаком глобализации, экономическое расслоение человечества в результате действия целого ряда причин нарастало.

Хорошей иллюстрацией сказанного могут служить два соседних африканских государства: Ботсвана и Конго. Если в Ботсване в последние 40 лет ежегодные темпы экономического роста достигали 10%, то в Конго, где свыше 50 млн. граждан живут в состоянии крайней нищеты, в тот же период они были отрицательными. Иными словами, уровень производства и потребления в Конго сегодня ниже даже того, каким он был в 1965 г. и в последние годы жестокого бельгийского колониализма. Является ли причиной столь плачевного положения глобализация? Отнюдь нет, оно (как, впрочем, и замечательные достижения Ботсваны) является итогом действия ряда региональных, местных и национальных факторов, но прежде всего и главным образом — той экономической политики, которая осуществлялась руководством в рассматриваемый период. Однако в Конго этот же механизм (экономическая политика правительства) породил такие явления, как многолетняя коррупция в правительстве, неудовлетворительное макроэкономическое управление, а также многочисленные военные и этнические конфликты, которые — несмотря на достигнутый в этой области определенный прогресс — к несчастью, продолжают до настоящего времени. Очевидно, что все перечисленное имеет крайне слабое отношение к глобализации. И примеров, подобных приведенному, — множество.

Немного отступлю от темы. *Занимаясь экономическими исследованиями, и, тем более, реализуя экономическую политику, всегда следует четко различать причины и следствия, собственно хозяйственный механизм и формы его проявления, и — что особенно важно для политики вообще и стратегии экономического развития, в частности — не путать цели со средствами их достижения*. Неспособность политиков усвоить названные различия становится тормозом развития; непонимание их учеными порождает путаницу. В том случае, когда эти различия оказываются (не в первый и, разумеется, не в последний раз) выше чьего-либо понимания, публике сообщается, что причина проблем заключается в неких загадочных современных напастях, а не в неграмотной экономической политике при решении таких задач, как борьба с безработицей; повышение конкурентоспособности; развитие экономики, основанной на знаниях; реализация сложных и трудоемких инфраструктурных проектов; формирование бюджета динамичного развития при одновременном ограничении в обществе расслоения и антисоциальных процессов; обеспечение финансовой стабильности в сочетании с валютным режимом, стимулирующим экономический рост.

Решать названные задачи необходимо и возможно, однако сложность состоит в том, что делать это приходится в условиях глобализации. *Поэтому адекватная экономическая теория является важнейшим условием грамотной экономической практики*, если учитывать глобальный характер экономических процессов. В последние десятилетия, когда возобновился рост неравенства в доходах, вновь предпринимаются попытки обвинить глобализацию в том, что богатые становятся все богаче, а бедные — все беднее. Я считаю данную трактовку несостоятельной. Она выдвинута противниками глобализации,

которые либо слабо знакомы с реальным положением дел и, стало быть, их мнение не может считаться компетентным, либо сознательно продолжают эксплуатировать это заведомо несостоятельное утверждение в интересах собственной выгоды, либо и то и другое одновременно.

А как обстоит дело в действительности? В целом глобализация благоприятствует такому положению, при котором в большинстве стран в результате действия распределительных механизмов движения (перелива) капитала, торговли, либерализации и процессов приватизации собственности доходы самых богатых стран и групп населения растут быстрее по сравнению с доходами самых бедных. Существуют, правда, некоторые исключения, однако они связаны не с глобализацией, а обусловлены другими причинами. Дело обстоит следующим образом: если один рыночный субъект располагает капиталом в 100 условных единиц, а у другого имеется капитал в размере только 10 единиц, то, спустя несколько производственных циклов, первый субъект получит доход, к примеру, 80% и его капитал составит 180 единиц, в то время как доход второго (каковым может быть страна, сектор/отрасль экономики, фирма, социальная группа или семья) вырастет лишь на 20%. Таким образом, исходное соотношение доходов 10:1 вырастет до 15:1. Подобный результат часто пытаются использовать для доказательства «вины» глобализации; при этом благополучно забывают про тот неоспоримый факт, что рост доходов произошел у обоих субъектов. И все-таки, даже несмотря на то, что в итоге обе стороны выигрывают, получивший в этой игре меньшую награду склонен считать себя проигравшим. Хотя в действительности он, конечно же, таковым не является.

Тут же возникает еще один вопрос, который придется решать применительно к конкретным условиям. Нам необходимо выяснить, не обеспечен ли ускоренный рост дохода первого субъекта за счет замедленного роста дохода второго субъекта (если это так, то имеет место несправедливое распределение). Или, наоборот, не стал ли возможным рост материального благосостояния второго субъекта благодаря быстрому росту дохода первого субъекта (в результате, например, повышения эффективности, активизации предпринимательской или инновационной деятельности), который обеспечил ускоренный рост суммарного дохода. Если верно второе утверждение, то такое развитие событий и результаты следует приветствовать и, разумеется, не потому что растет расслоение, а по той простой причине, что при этом происходит рост доходов и жизненного уровня многих людей. К сожалению, так происходит не всегда. Более того, в мире существуют громадные территории, где вообще никаких улучшений не происходит, хотя, повторюсь, в этих случаях не только нет оснований считать глобализацию их единственной причиной, но она, как правило, к существующему положению вещей вообще не имеет никакого отношения.

В данном контексте особого внимания заслуживает ситуация в Африке. Мы ни в коем случае не должны мириться с вопиющей нищетой и расслоением на этом континенте. Постепенное поэтапное вовлечение Африки в орбиту мирового рынка (world economic exchange), наряду с обеспечением ее экономического развития — задача первостепенной важности для современного мира. В указанной связи нельзя не сказать об озвученной премьер-министром Тони Блэром и министром финансов Гордоном Брауном британской инициативе «Комиссия по Африке» (Commission for Africa), важность которой трудно переоценить, особенно в свете того, что в 2005 году Великобритания председательствовала в «Большой восьмерке» (а во второй половине того же года — возглавляла Европейский Союз). Таким образом,

если уж сдержанные англичане считают, что так дальше продолжаться не может и готовы списывать непомерную задолженность беднейших стран мира, то, видимо, действительно появилась реальная возможность выйти из тупика в вопросе оказания практической помощи Африке (континенту, большая часть 800-миллионного населения которого вынуждена жить в крайней нищете), а также другим самым бедствующим регионам нашего «дивного нового мира».

Так дальше продолжаться может еще очень долго...

Хотя многие уже давно твердят, что «так дальше продолжаться не может», в мире более миллиарда человек вынуждены существовать менее чем на один доллар в день, десятки миллионов детей в Африке и на других континентах ложатся спать голодными, от голода каждый год умирает несколько миллионов человек. И это не преувеличение и не вымысел. Таково реальное положение дел. *Глобальная экономика находится в стадии становления, ей пока не хватает политических договоренностей и институтов, которые обеспечили бы создание важнейшего самостоятельного механизма развития (а пока такой механизм не создан), позволяющего организовать перераспределение соответствующих финансовых средств от развитых и богатых стран к бедным регионам и территориям.* И утверждение о том, что для спасения жизни голодающего ребенка в Африке требуется всего лишь половина продажной цены жевательной резинки в Лондоне, отнюдь не является популистским преувеличением. Данный пример иллюстрирует глубину существующих в мировой экономике диспропорций, а также то, насколько несправедливым является сложившееся в мире распределение.

Поэтому если Великобритания в одностороннем порядке предлагает списание задолженности беднейших стран, делая таким образом шаг им навстречу, то ее примеру должны последовать и другие. Кроме того, в предстоящие годы следует направить инвестиции в инфраструктурные проекты, без чего никакой прогресс в большинстве отсталых частей мировой экономики невозможен. Еще часть финансовых средств из внешних источников должна быть инвестирована в человеческий капитал, и, прежде всего, в образование и здравоохранение. В то же время, учитывая, что доводы и призывы гуманистической направленности производят лишь внешний, краткосрочный эффект, а конкретных практических результатов, как правило, не имеют, крайне важно гарантировать реальное предоставление такой помощи. Также необходимо добиваться того, чтобы наши партнеры в Африке, Латинской Америке, Азии и в беднейших регионах посткоммунистических стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза решали свою часть задачи, активно борясь с коррупцией, а также обеспечивая прекращение военных и этнических конфликтов по всему миру (Чечня, Ближний Восток, Дарфур, Либерия, Конго, Северная Уганда).

Займется ли мир активным поиском «человеческого лица» или же в результате непомерного социального напряжения погрузится в пучину революций, зависит от того, удастся ли нам справиться с решением таких унаследованных от колониальных времен и усугубленных ненадлежащим управлением глобальных проблем, как гигантская непогашенная задолженность, предельное неравенство в распределении богатства, массовая безработица или нищета. Я не знаю легких способов решения задачи обеспечения устойчивого экономического роста и справедливого распределения его результатов во всемирном масштабе на протяжении жизни одного-двух поколений, если

просто «продолжать существующий курс». В конце концов, это вообще не тот правильный «курс», который заслуживает продолжения. Он не просто пока не смог обеспечить успех, он не способен привести к успеху в принципе, поскольку современная неолиберальная «модель экономического роста», базирующаяся на наивной вере в волшебную силу невидимой руки рынка и экономической политике, в основе которой лежит популистская экономическая теория «просачивающегося богатства» (trickle down economics)¹¹, является экономически неэффективной, социально несправедливой и политически несостоятельной! Такой «курс» работает против эффективности и экономического роста. Говоря проще: он опасен. Поэтому *он наверняка приведет к взрыву, вопрос лишь в том, когда это произойдет*. Этот взрыв может принять форму неуправляемых волн миграции (сдерживать которые не смогут ни бедные, ни богатые страны), массовых городских беспорядков, экономически мотивированного терроризма и — вне всякого сомнения — энергетических и экологических кризисов. В какой последовательности и масштабах это будет происходить — жизнь покажет. А мы увидим. Наверное, это будет сочетанием всего понемногу.

Однако на эти угрозы и вызовы существуют и позитивные ответы. И, прежде всего это *лучшая координация экономической политики в мировом масштабе, поскольку, если глобальная экономика уже появляется, то «мирового правительства» пока не существует*. Велика ли вероятность создания такого правительства? Отнюдь нет. Большие надежды на его создание просто не имеют под собой реальных оснований, а стало быть, нет никакого резона призывать к созданию постов всемирных министров экономики, финансов, социального обеспечения или главы мирового центробанка (и неважно, что на эти посты есть немало достойных кандидатов...).

Поскольку наш мир слишком разнообразен и слишком неспокоен, вряд ли кто-то в состоянии им управлять. Тем не менее, вполне возможно этот мир полнее и лучше понять и, проявив максимум энергии, постараться изменить его к лучшему. *Мир остро нуждается в лучшей координации стратегии развития в глобальном масштабе*. Однако есть ли у нас для успешного решения этой задачи адекватные организации, институты и инструментарий? Когда жизнь заставляет, мы худо-бедно способны выработать скоординированные совместные подходы к решению таких различных проблем, как война с терроризмом, «отмывание» денег, миграционные вопросы, парниковый эффект и потепление климата или нейтрализация финансовых кризисов. Однако, как выясняется, используемые при этом политические механизмы нередко оказываются несостоятельными. Поэтому мы оказываемся перед лицом новых вызовов эры глобализации. И если мы не сможем на них надлежащим образом отвечать, то мир ожидает глобальная катастрофа. *Главной задачей на предстоящие годы является создание такого нового мирового институционального порядка, который постепенно и бесконфликтно заменит существующий в мире институциональный хаос*.

Рассуждая о глобализации, следует помнить, что одновременно мы ведем речь об интересах. Это касается не только мира в целом, но и нашего ближайшего окружения. Здесь опять-таки можно услышать, что «так дальше продолжаться не может», но ведь мы-то понимаем, что положение останется таким как есть еще в течение долгого времени. Любопытно отметить, что

¹¹ Данная теория утверждает, что доходы состоятельных слоев общества, как бы «просачиваясь» сверху вниз сквозь всю экономику страны, содействуют ее развитию и достаются всем гражданам. — *Примеч. пер.*

все это происходит в условиях действующих парламентских демократий. *Но демократия не завоевала устойчивого положения в мире. Капитализм одержал победу, рынок становится все более и более либеральным, тем не менее, в конечном счете демократия не получила по-настоящему широкого распространения.* И хотя она существует и эффективно работает на все большей части планеты, *мир в целом не является демократическим.* Этот факт не являлся бы основанием для беспокойства в том случае, если бы существующее — пусть недемократическое — институциональное устройство мировой экономики позволяло решать проблемы, от которых мы сегодня столь серьезно страдаем. К сожалению, дело обстоит прямо противоположным образом.

В мире в целом демократическая процедура голосования отсутствует; мы просто занимаемся бизнесом (и войны — один из способов его ведения), сопровождая это утверждением, что все это делается ради торжества демократии. Истинно великий и мудрый политик должен стремиться не к мировому господству и не к созданию фракционных блоков по принципу: кто не с нами, тот против нас, а единственно — к наилучшему решению животрепещущих социальных проблем на базе экономических интересов. Поэтому в предстоящие годы и десятилетия нам следует шаг за шагом создавать механизмы и инструменты, расширяя наши возможности решения этих проблем во всемирном масштабе, а не только на региональном уровне. Таким образом, сегодня перед нами стоит качественно новый глобальный вызов XXI века, который является результатом научно-технической революции (Интернет, телекоммуникации, генетика и биотехнологии), радикальным образом изменившей наш мир.

Глобализация останется предметом всестороннего изучения и острых дискуссий и споров на долгое время, возможно — навсегда. Политическая борьба и интеллектуальная полемика должны продолжаться в интересах лучшего понимания экономических и политических механизмов, управляющих все этим гигантским предприятием под названием «наш мир». Нам необходимо корректно сформулировать приоритеты и посредством диалога выработать способ достижения поставленной цели развития. Все это — задачи крайне сложные, но вполне решаемые.